

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.7>

UDC 811.111'42:394.43
LBC 81.432.1-51

Submitted: 07.07.2025
Accepted: 02.12.2025

SEMIOLINGUISTIC TRANSFORMATION OF BRITISH MONARCHY POWER RITUALS

Tatiana N. Astafurova

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Irina V. Palashevskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article reveals the semiolinguistic features of the coronation discourse, reflecting the stages of the coronation ritual as a phenomenon of sacred legitimization of royal power. The basic characteristics of the coronation discourse and performative speech acts of the semiosis of power are determined. The semiolinguistic transformations associated with the main stages of the ritual, the monarch's oath, are identified and described. Over the centuries, coronation ritual has been preserved mainly in its verbal representation (basic toposes, its compositional design and linguistics) but has undergone numerous changes in extralinguistic factors (the type of language and form of the oath, the place and time of the ritual, its artifacts and role structure, entertainment and feasts, etc.). Extralinguistic transformations were determined by religious, political, socio-economic, and cultural changes in the British society, which led to a turn from the theocratic (religious) system of government to a feudal, more secular one. The analysis of the discursive characteristics of the speech genre of monarch's oath allows to determine the isomorphism of its basic intention, namely, a solemn appeal to God as a witness to the oath, after which the monarch became the true vicar of God on earth, the supreme ruler of the Church of England. The transformation (variability) of the speech acts of the oath – promise, assurance, warning, command, threat – reflects the increasing degree of the imperative monarch's will. The analysis of authentic historical documents has shown that the most frequent transformations of the coronation ritual affected locative, chronological, topo-semiotic, and artifact components, often influenced by patterns of continental ceremonies.

Key words: coronation discourse, speech act, coronation oath, linguistic means of performance, ritual transformation, extralinguistic factors.

Citation. Astafurova T.N., Palashevskaya I.V. Semiolinguistic Transformation of British Monarchy Power Rituals. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 91-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.7>

УДК 811.111'42:394.43
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 07.07.2025
Дата принятия статьи: 02.12.2025

СЕМИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ РИТУАЛОВ БРИТАНСКОЙ МОНАРХИИ

Татьяна Николаевна Астафурова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Владимировна Палашевская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются семиолингвистические особенности коронационного дискурса, отражающего этапы ритуала коронации как феномена сакральной легитимации королевской власти.

Определены дискурсивные характеристики коронационного дискурса и базовые перформативные речевые акты семиозиса власти. Выявлены и описаны семиолингвистические трансформации, связанные с основным этапом ритуала – клятвой монарха, на протяжении многих веков сохранившейся преимущественно в своей вербальной репрезентации (базовые топосы, их композиционное и языковое оформление), но претерпевшей многочисленные изменения экстралингвистических факторов (тип языка и форма клятвы, место и время проведения ритуала, его артефакты и ролевая структура, зрелищность, пиры и пр.). Экстралингвистические трансформации обусловлены религиозно-политическими, социально-экономическими и культурными изменениями в британском социуме, которые повлекли поворот от теократической (религиозной) системы государственного правления к феодальной, более светской. Результаты анализа дискурсивных характеристик речевого жанра клятвы монарха позволяют определить изоморфизм ее базовой интенции, а именно торжественного обращения к Богу как свидетелю клятвы, после которого монарх становился истинным наместником Бога на земле, верховным правителем церкви Англии. Трансформация (вариативность) речевых актов клятвы (обещание, уверение, предостережение, предупреждение, приказание, угроза) отражает нарастающую степень категоричности волеизъявления монарха. Установлено, что наиболее частотные трансформации ритуала коронации затронули локативные, хроно-, топосемиотические и артефактные компоненты, нередко под влиянием образцов континентальных церемоний.

Ключевые слова: коронационный дискурс, речевой акт, коронационная клятва, языковые средства перформанса, трансформация ритуала, экстралингвистические факторы.

Цитирование. Астафурова Т. Н., Палашевская И. В. Семиолингвистическая трансформация властных ритуалов британской монархии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 91–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.7>

Введение

Вся история развития британской монархии связана с переменными успехами в борьбе за власть как средство подавления противоборствующей или недовольной части населения, претендующей на ее обретение. По мнению М.И. Байтина, власть монархии по своей сути всегда «принудительна, поскольку, так или иначе, направлена на подчинение членов общества господствующей в нем единой воле» [Байтин, 1972, с. 112]. Власть монарха проявляется в ее беспредельных возможностях принятия решений, их обосновании и оправдании проникновения во все сферы жизнедеятельности общества с целью обретения и удержания господства через «символически значимые действия и торжественные церемонии, то есть ритуалы» [Карасик, 2002, с. 397].

Основными признаками ритуала, как установлено А.К. Байбуриным, выступают его сакральность, коллективный характер, захватывающий и, преимущественно, неизменный целостный сюжет, в рамках которого участники ритуала разыгрывают определенные действия, осознавая и переживая свою групповую идентичность [Байбурин, 1988, с. 10]. Ритуал представляет собой культурный текст, включающий элементы различных кодов: акцио-

нального (последовательность определенных ритуальных действий), реального, или предметного (действия производятся со специально изготовленными предметами), вербального (обряд содержит определенные дискурсивные формулы и практики), персонального (действия совершаются определенными исполнителями и адресованы определенным лицам / персонажам), локативного (действия приурочены к ритуально значимым элементам внутреннего и внешнего пространства), темпорального (действия производятся в определенное время года, суток, до или после какого-то события), музыкального (в сочетании со словом или независимо от него), изобразительного (изобразительные символы ритуальных предметов, пищи, одежды и т. п.).

Коммуникативные события, получающие ритуальный статус (коронация, инаугурация, интронизация, воинская присяга, посвящение в студенты, награждения, открытие спортивного мероприятия, коронация и пр.), отличаются церемониальностью, особой корреляцией хроно-, топо-, глутто-, звукосемиотических, артефактных, вербальных, локативных, акциональных и прочих компонентов, которые благодаря максимальному воздействию на эмоции публики придают ритуальному событию характер театрализованного зрелища, перфор-

манса. Степень прочности фиксации перечисленных выше параметров ритуального события позволяют выделить его мягкую и жесткую формализацию: в первом случае содержание допускает вариативность форм выражения перформанса, во втором случае форма доминирует и приобретает собственную ценностную значимость. Жестко формализованный перформанс неизбежно обретает сугубо эстетическую, театральную, зрелищную функции. Если публика прежде всего обращает внимание на зрелищность и красоту ритуального действия, то правомерно считать, что исходное содержание ритуала практически забыто, исчезло. Нередко именно такие действия рассматриваются как ритуалы, освобождающие участников от собственных решений и предписывающие порядок, процедуру и лингвосомиотическое содержание действий внутри события.

Ритуал коронации трансформировался на протяжении многих веков, отражая религиозно-политические, социально-экономические и культурные изменения в британском социуме, однако семиолингвистический анализ трансформаций основных аспектов этой торжественной церемонии не проводился, поэтому цель исследования включает:

- уточнение структуры королевской клятвы;
- выявление основных семиотических знаков, закрепленных за базовыми аспектами коронации и подверженных значимым трансформациям в исторической перспективе;
- определение языковых и дискурсивных маркеров коронационного дискурса, претерпевших разные виды трансформации при обслуживании основных этапов и аспектов коронации;
- раскрытие речевых особенностей основного вербального компонента коронационного дискурса, а именно клятвы монаршей особы, реализуемой вариативными перформативными актами, трансформируемыми в зависимости от религиозного, личностного, политического, исторического и социально-экономического контекстов.

Материал и методы

Из всех властных ритуалов британской монархии неоспоримо главным является коро-

нация как феномен сакральной легитимации королевской власти, официального вступления на престол монарха, после которого он становился истинным наместником Бога на земле, верховным правителем церкви Англии: *Coronation is a phenomenon of sacred legitimization of royal power, of the official accession of the monarch to the throne, after which he becomes the true vicar of God on earth, the Supreme ruler of the Church of England* (COD, p. 319).

Философская парадигма исследования ритуала коронации связана с вопросами легитимности монаршей власти, принятия подданными власти суверена, глубокой мистической значимости артефактов коронации как символов добродетелей восходящего на престол правителя, многовековой связи короны с религией и религиозными обрядами, возвышающими суверена над подданными как преемника / представителя Бога на земле (*God's Representative*). Политическая парадигма исследования данного события ориентирована, как отмечал К.Б. Томпсон, на изучение эволюции церемонии, освещение вопросов легитимной преемственности престолонаследия, демонстрации богатства и стабильности правящей династии, укрепления авторитета нового короля и толкование аспектов его будущего правления, выраженных в коронационной клятве (*promissio regis*) подданным [Thomson, 1987, p. 54].

Семиолингвистический подход к осмыслению ритуала позволяет выявить определенную динамику и способность к трансформации его основных компонентов в процессе становления и развития культуры и языка этноса: компоненты ритуала, как показано в статье Л.Ф. Чертова, постоянно меняются, в связи с чем меняются значения его сегментов, которые находятся в зависимости от исторического момента (подробно о ритуале см.: [Чертов, 2001]). Поскольку содержание перформанса могло модифицироваться со временем, наиболее важной и строго соблюдаемой его стороной являлась и является форма: локативное, хроно- и топосомиотическое уточнение, четкая последовательность официальных этапов, их колоретное оформление и глоттоническое сопровождение, предъявление артефактов, вербальное и акциональное исполнение ролей участников и пр.

Коронационный дискурс, сопровождающий церемонию коронации, предстает как кон-

вергентный жанр, объединяющий элементы ритуальной, институциональной и риторической коммуникации и включающий клятву монарха, молитвы духовенства и оммаж подданных (громкое признание / одобрение, вокативы *Yes; God save the King / Queen*). Функцией коронационного дискурса является вербальное сопровождение ритуала легитимности обретения власти новым монархом, дающим клятву соблюдать законы государства, сохранять мир, проявлять милосердие и справедливость к подданным, защищать протестантскую церковь.

Лингвопрагматический анализ перформативного жанра клятвы в профанных видах дискурса: медицинском, спортивном, педагогическом, фидеистическом, виндиктивном [Сиразиева, 2015; Рабенко, 2010; Санников, 2017; Чесноков, 2013] – позволил идентифицировать их прагматический изоморфизм, то есть торжественное уверение в совершении определенных профанных действий, иногда поддержанных отсылкой к высшим или могущественным силам, закрепленным за дискурсом. Так, медики приносили клятву в честь бога Аполлона; спортсмены – в честь бога Зевса, покровителя Олимпийских игр; в педагогическом дискурсе в свидетели призывают луну и звезды (*I swear by the moon and the stars in the sky...*), в виндиктивном дискурсе прибегают к оккультному ритуалу вызывания духов. В отличие от клятв в профанных дискурсах суть коронационной клятвы британского монарха состоит в том, что освящаемое высшей силой клятвенное обещание переводит профанное светское событие в сферу священного, сакрального (подробно о клятве см.: [Мосс, 2000]), поскольку, по мнению А.В. Карабыкова, язык является инструментом общения с единственным свидетелем, Богом – «ключевым компонентом клятвенной формулы, обозначающей действия, которые будут распространяться за пределы настоящего» [Карабыков, 2006, с. 228].

Как показал предварительный анализ 15 аутентичных текстов клятвы, произнесенной британскими монархами в самые сложные и судьбоносные периоды развития государства (с 973 г. по настоящее время), коронационная клятва связана с семиозисом власти: ее установлением, требованием исполнения обязательств

подчиненными и наказанием за их нарушение со стороны Бога и монарха. Семиолингвистическая сложность данного типа дискурса обуславливает применение таких методов исследования, как контекстуальный анализ, интроспекция и ретроспекция, анализ исторических документов древнесаксонской и норманнской Англии, дискурс-анализ аутентичных текстов коронационных выступлений британских монархов.

Результаты и обсуждение

Клятва как торжественное обязательство монологична и конвенциональна, что делает ее предсказуемым перформативным жанром установления отношения власти и подчинения. Ее структура и языковые средства остаются практически неизменными на протяжении многих веков, выполняя прагматическую функцию подтверждения легитимности монарха и лояльности его подданных. Композиционная структура коронационной клятвы традиционна (зачин, главная часть, заключение), информационные блоки выполняют преимущественно воздействующую и предписывающую функции. Наряду с клятвой наиболее узнаваемыми дискурсивными признаками коронационного дискурса являются:

– четко прописанная оппозиция участников: субъекты исполнения власти (*king, queen, monarch, sovereign, prince, etc.* / король, королева, монарх, суверен, принц и пр.) и объекты приложения власти (*bishops, earls, dukes, barons, knights, merchants, freemen, servants, ordinary people, laity, etc.* / епископы, графы, герцоги, бароны, рыцари, купцы, свободные люди, слуги, простые люди, миряне и пр.)¹;

– властные глагольные номинации (*promise, swear, pledge, command, grand, govern, reign, establish, constitute, proclaim, rule, abolish, revoke, correct, forbid, prohibit, interdict, uphold, restore, punish, save, acclaim, etc.* / обещать, клясться, присягать, повелевать, даровать, управлять, царствовать, устанавливать, учреждать, провозглашать, править, отменять, лишать, исправлять, запрещать, воспрещать, препятствовать, поддерживать, восстанавливать, наказывать, спасать, провозглашать и пр.);

– перформативные речевые акты клятвы, призывающие Бога в свидетели: (*oath = a solemn*

promise, often invoking a divine witness as to the truth of a commitment to future action (COD, p. 980) / торжественное обещание, призывающее в свидетели Бога в подтверждение истинности обязательства действовать в будущем).

Анализ аутентичных текстов клятвы британских монархов позволил выявить, с одной стороны, изоморфизм ее базовой интенции, а именно торжественного обращения к Богу как свидетелю клятвы (*oath = solemn appeal to God as a witness; the monarch invokes divine authority to witness and enforce their promises* (CODOEE, p. 321)); с другой стороны, вариативность, то есть трансформацию речевых актов клятвы, которая отражает нарастающую степень категоричности волеизъявления монарха в зависимости от исторического контекста:

– обещание (*promise = an assurance that one will do something in case of* (COD, p. 1144) / уверение, что кто-то это сделает при условии);

– уверение (*assurance = a positive declaration intended to give confidence, certainty* (COD, p. 81) / позитивное заявление, призванное придать уверенности, определенности);

– предостережение (*caution = an official warning given to someone who has committed a minor offence but has not been charged; chiefly British* (COD, p. 224) / официальное оповещение кого-либо, совершившего незначительное правонарушение, но не привлеченного за это к ответственности);

– предупреждение (*warning = statement that serves as a cautionary example* (COD, p. 1615) / утверждение, которое служит в качестве предостерегающего примера);

– приказание (*order = an authoritative verbal or written command to do something* (COD, p. 1003) / властное устное или письменное распоряжение что-либо сделать);

– угроза со стороны субъектов исполнения власти (*threat = a strong statement of an intention to inflict injury, damage or other hostile action* (COD, p. 1493) / решительное заявление о намерении причинить ущерб, нанести увечья или совершить другие враждебные действия).

Присяга королю / оммаж (*homage = formal public acknowledgement of feudal allegiance* (COD, p. 679) / официальное публичное признание верности феодалами) со сто-

роны объектов приложения власти передается речевым актом аккламации (*acclamation = enthusiastic public praise* (COD, p. 7) / восторженное одобрение публики).

Начало коронации как ритуалу было положено королем Эдгаром в 973 г. в соборе г. Бат [Carpenter, 1998, p. 31], чтобы узаконить восхождение на трон не только благодаря праву завоевателя и благословению Папы Римского, но и поддержке местной элиты через освящение места триумфального зрелища принятия короны (*...to establish his throne not only on the right of conquest or papal benediction, but on the support of the sacred hallowing which coronation would give him* [Brooke, 1961, p. 54]). Церемония коронации Эдгара является прародительницей этого ритуала, основные элементы которого до сих пор используются в Англии: признание (*the recognition*), клятва (*the oath*), помазание елеем (*the anointing*), коронование, то есть увенчивание монарха короной святого Эдуарда (*the crowning with St Edward's Crown*), интронизация, то есть восхождение на трон (*the enthronement*), и присяга королю / оммаж (*the homage*) (подробно см.: [Brooke, 1961, p. 28]).

Клятва Эдгара носит предписывающий характер и начинается с лаконичного обращения к присутствующим на коронации (*to the Christian people subject to me*) с целью установления контакта с подданными, напоминания об их преданности и беспрекословном подчинении королю как исполнителю воли Божьей (*In the name of the Holy Trinity*). Центральная часть сводится к базовым топосам мира, справедливости, милосердия, выраженным анафорическими параллельными конструкциями с перформативными глаголами (*promise, forbid, grand, command*). Король в форме категорических обещаний утверждает свое всемогущество и принципы будущего правления: сохранение мира для церкви и мирян (*I promise that God's church and all the Christian people of my dominions will be held in true peace*), запрещение беззакония (*I forbid robbery and all unlawful deeds by all ranks of men*), дарование милости. Заканчивается клятва благодарностью Богу за прощение человеческих грехов и обращением к бесконечной божьей милости (The Coronation Oath...).

Смена коронационного локатива (места) коронации произошла через 70 лет во время коронации Эдуарда Исповедника (1043 г.), избравшего Уинчестерский собор (*Winchester Cathedral*) местом восхождения на трон в древней столице англосаксонского государства Винчестере. Однако первый норманнский король Англии Вильгельм Завоеватель в 1066 г. перенес место проведения коронации в Вестминстерское аббатство, которое стало постоянным местом проведения британской коронации, выстроенным в форме креста: *the earliest English church built in the shape of a cross* (подробно о Вестминстерском аббатстве как месте коронации см.: [Carpenter, 1998, p. 31]). Дискурсивный компонент клятвы Вильгельма Завоевателя композиционно и тематически соответствовал ордонансу Эдгара и включал те же обещания мирной, справедливой и милосердной власти для подданных как во времена лучших королей, правивших до него; дополнительно будущий король давал личное обещание сохранить существующие британские законы и традиции (*added a personal promise to uphold existing laws and customs of England*), но при условии преданности подданных (*provided they remained loyal*). Кроме предупреждения и разнообразных перформативных глаголов (*to swear, to promise, to pledge, to prohibit, to interdict, to rule, to maintain, to uphold, to enjoin equity*) он также включил в ритуал некоторые норманнские вербальные элементы коронации, в частности речевой акт аккламации (см. об этом: [Tanner, 1953, p. 50]) как принятия или изъяснения своего мнения путем громких восклицаний одобрения *Yes!* (лат. *acclamatio* «крик, восклицание»; см.: (БСИС)).

Поскольку важнейшим этапом коронации Вильгельма Завоевателя было признание его королем саксонской и норманнской аристократией, церемония проводилась на английском и французском языках. Приняв аккламацию прихожан повиноваться королю с почтением и готовностью (*asked if they would obey their king with great reverence and willingness people responded with the cry 'Yea, Yea'*) за покушение на его жизнь (*They had mistaken the congregation cheers for a shout of alarm and assassination attempt t*), солдаты подошли близлежащие дома, что серьезно омра-

чило церемонию (*had responded by setting nearby buildings on fire*). Когда беспорядки утихли, Вильгельм, нарушая порядок ритуала, произнес клятву после помазания в опустевшем аббатстве (см. об этом: [Douglas, 1964, p. 256]).

Вербальные знаки ритуальной коммуникации как центральный компонент коронации являются относительно усеченными, что предусмотрено ритуалом. По мнению Г.Г. Почепцова, «...ритуал реализует обратное соотношение: удлинение невербального компонента за счет сокращения вербального» [Почепцов, 2001, с. 15]. Изначально в вербальной части коронации не допускались отклонения при чтении канонических библейских текстов, сопровождающих коронацию властных персон. Однако со временем вербальная составляющая освобождалась от компонентов, которые становились малосущественными в плане воздействия на участников церемонии, и в первую очередь это было связано с постепенной заменой языка ритуала. Если коронация Вильгельма Завоевателя проводилась на английском и французском языках, то позже церковным языком ритуала стала латынь, и только Елизавета I, для которой было важно вытеснить католическую веру протестантской, провела коронацию на двух языках – латыни и английском: «*She was crowned in Latin by a Catholic bishop but parts of the service that followed were read twice – in Latin and English*» (цит. по: [Whitelock, Hunt, 2010, p. 189]). Впоследствии латынь была полностью заменена государственным языком Великобритании – английским.

Однако дискурсивные каноны клятвы властной персоны, согласно наблюдениям П.Э. Шрамма, могли нарушаться в свете особых социально-исторических обстоятельств и трансформироваться в письменное обращение суверена к подданным, как это сделал Генрих I в Коронационной хартии вольностей в 1100 г. [Schramm, 1937, p. 39]. Хартия Генриха I представляет собой прецедентный текст, который определил границы свобод для разных групп населения королевства (*barons, earls, knights, archbishops, bishops, churchministers, laity, allhismen*), устраняя королевские злоупотребления (*addressing royal abuses*) и восстанавливая прежние пра-

ва аристократии и церкви (*restoring older aristocratic and church rights and liberties*). Король обещал покончить с несправедливым чрезмерным налогообложением, коррупцией и деспотическими практиками своего предшественника в отношении опеки, льгот и браков (*promised to end the unjust over-taxation, corruption and oppressive practices of his predecessor in wardships, reliefs and marriages*) (подробнее об уточнении границ и свобод для разных групп населения королевства см.: [Whitelock, 1961, p. 176]). Письменная форма Коронационной хартии вольностей (клятвы) Генриха I, ограничивающая королевскую власть и закрепляющая свободы разных социальных слоев Англии, создала прецедент для будущих монархов, которые будут письменно закреплять свои обещания при вступлении на престол.

С установлением абсолютной власти и введением протестантской веры Генрих VIII (Акт супрематии 1534 г.) отчетливо трансформирует речевые акты своей коронационной клятвы, данной по воле Всемогущего Бога [Brooke, 1961]. Король заменяет обещания и уверения предостережением и предупреждением католическому духовенству и аристократии, настроенным против монарха в связи с его разрывом с Римско-католической церковью: «...*kings of this realm, shall have full power and authority... to repress, redress, record, order, correct, restrain, and amend all such errors, heresies, abuses, offenses, contempt and enormities... to the pleasure of Almighty God, the increase of virtue in Christ's religion*» [English History..., 1967, pp. 182–183] / ...короли этого королевства будут обладать всей полнотой власти, чтобы пресекать, исправлять, фиксировать, упорядочивать, сдерживать и поправлять все подобные ошибки, ереси, злоупотребления, оскорбления, презрение и чудовищные преступления... по воле Всемогущего Бога, для умножения добродетели в религии Христа. Король недвусмысленно предупреждает, что в его руках власть повелевать, и не советует испытывать его терпение: «*Let you never tempt too far a Prince's patience*»; «*Those who touch the sceptre... deserve no pity*» (Act of Supremacy...) / Никогда не искушайте мое терпение. Те, кто прикоснется к скипетру принца, не заслуживает жалости.

Именно его дочь, Мария I (*Bloody Mary*), через 20 лет, пытаясь возратить католическую веру (подробно см.: [Gibbs, 2006]), использовала речевой акт прямой угрозы не отказавшимся от протестантской ереси подданным, пообещав наказывать за нее смертной казнью: «*In her coronation speech, she recognized the supremacy of the Roman Catholic church and pledged to inflict a penalty on those who brought back Protestant heresy equated with treason*» (цит. по: [Hunt, 2008, p. 138]).

Сложная религиозно-политическая обстановка после восхождения на престол Елизаветы I (через 6 лет после смерти Марии I) и ее твердое намерение возратить протестантскую церковь, несмотря на жестокую оппозицию нового духовенства и аристократии, заставили будущую королеву искать поддержку у простых граждан Англии (см. об этом: [Montrose, 2006, p. 23]). Для этого она изменила акциональную форму ритуала и использовала новые формы разъяснения своих замыслов и обещаний, доступные простым мирянам. Она трансформировала топосы клятвы в праздничные спектакли, которые показывались накануне коронации в разных частях Лондона, а сама в окружении знати встречалась с простыми людьми на украшенных улицах Лондона под громкое музыкальное сопровождение: «*London streets were crowded with cheering crowds and decorated with scaffolding, banners, and flags... the organs, fifes, trumpets and drums playing, the bells also ringing, it seemed as if the world were come to an end*» (цит. по: [Hunt, 2008, p. 153]).

Вследствие этого коронация Елизаветы I вошла в историю как наиболее зрелищный театрализованный перформанс (*pageant, spectacle*), в котором каждый спектакль был тщательно продуман и напоминал жителям о происхождении Елизаветы (*laid out Elizabeth's genealogy, stressing her Englishness*); представлял ее будущее правление с истинной верой, мудростью, справедливостью, правдой и любовью к подданным (*characterized future government by True religion, love of subjects, wisdom, truth and justice*); предсказывал благоденствие и долгое правление Елизаветы (*predicted prosperity and long Elizabeth's reign, no less than 40 years*) [Астафурова, Олянич, 2015, с. 45–46].

Перформансы высвечивали величие статуса и достоинство королевы, которые в сочетании с простотой общения позволили обывателям проникнуться к ней теплыми чувствами: «*Elizabeth... managed gracefully to combine the dignity and grandeur of her position with a common touch that allowed the public to warm to her. The procession was... a resounding public relations success for the new queen*» (цит. по: [Montrose, 2006, p. 24]). Таким образом, именно благодаря перформансу, театрализации ритуала и публичным проявлениям лояльности народ признал своего монарха еще за день до коронации. После церемонии она приветствовала обожающих ее поклонников с широкой улыбкой, в короне, с державой и скипетром королевы: «*She emerged from the ceremony to greet her adoring fans wearing a big smile, her crown and carrying the orb and sceptre of her new office*» (цит. по: [Strong, 2005, p. 208]).

Однако акциональный элемент ритуала, связанный с выходом монарха в народ, блестяще превращенный Елизаветой I в зрелищный интерактивный перформанс, стал трагической акцией во время коронации Георга I (1714 г.): она была омрачена трагедией, поскольку во время шествия несколько человек погибли и получили ранения в результате падения строительных лесов, на которых стояли зрители, наблюдая за происходящим. Как отмечал Н. Кокс, газеты того времени, в частности Stamford Mercury, упивались макабрическим описанием погибших, почти так же, как и описанием самой церемонии коронации, поскольку это был редкий отчет современников о коронации, позволивший преодолеть разрыв между средневековыми традициями и современной эпохой (подробно о коронации см.: [Cox, 2025, p. 82]).

Трансформация отмечается и в хроносемиотическом компоненте коронации, приуроченной либо к священному празднику летнего или зимнего солнцестояния (*Midsummer's Day* or *Midwinter Day*), либо к Рождеству (*Christmas Day*), либо к Пасхе (*Easter*), либо к воскресенью, особо почитаемому и религиозно значимому дню для англосаксонской паствы. Со временем монархия все реже привязывала коронацию к религиозным праздникам, в особенности после разрыва с католической церковью и введением англиканской веры Ген-

рихом VIII, который во многом опирался на прецеденты его норманнских предшественников.

Начало церемонии строго фиксировалось (*at the appointed hour*), и ее продолжительность постепенно снижалась с пяти часов (*Queen Victoria's coronation*) до трех (*Elizabeth II coronation*) и одного часа (*Charles III coronation*) [Cox, 2025, p. 294]. Коронация Вильгельма IV в сентябре 1831 г. вошла в историю как «Полукокоронация» (*the 'Half-Coronation'* – властный неологизм, образованный в результате контаминации лексем *crown+coronation*), поскольку церемония была не только значительно сокращена, но и не включала традиционный банкет, так как король посчитал его слишком дорогим удовольствием (*Coronation of George IV*).

В ритуале коронации нередко происходила трансформация артефактного компонента.

Так, в соответствии с ордонансом Эдгара монарх должен был воссесть в кресле короля Эдуарда с помещенным под ним Скунским камнем (Камнем Судьбы – *the Sconestone*). Однако по просьбе королевы-католички Марии I Папа Римский прислал ей новый коронационный трон, чтобы не использовать прежний, на котором короновался ее брат-протестант Эдуард VI: «*Uneasy at the idea of being crowned in the Coronation Chair used by her Protestant brother Edward VI at his coronation, it's thought a new one was sent to her by the Pope*» (цит. по: [Whitelock, Hunt, 2012, p. 128]). Более того, опасаясь, что святое масло для помазания утратило силу из-за Реформации, она упростила Папу Римского прислать ей новый флакон масла: «*When Catholic Queen Mary I was about to be crowned, she feared that the holy oil used for anointing in the coronation ceremony had lost its power due to the Reformation and asked the Pope to send her a new bottle of oil*» (цит. по: [Hunt, 2008, p. 132]). Артефактные трансформации были внесены в ритуал и голландским принцем Вильгельмом Оранским (1688 г.), согласившимся участвовать в коронации при условии изготовления для него второго трона для коронации вместе с супругой (дочерью Джеймса II) в качестве равностатусных монархов.

В соответствии с современными экологическими традициями для помазания

Карла III использовали веганское святое масло, в котором нет амбры, получаемой из китовых кишок: «*The holy oil used to anoint Charles will be vegan-friendly, no longer containing ambergris, which was made from whale intestines*». Клятва Елизаветы II преисполнена миролюбия и надежды на будущее: «*I am sure that this, my Coronation, is not the symbol of a power and a splendour that are gone but a declaration of our hopes for the future*» (цит. по: (Queen Elizabeth II's...)) / Я уверена, что моя коронация – не символ ушедшей власти и великолепия, а декларация наших надежд на будущее.

Клятва Чарльза, как и его матери, ориентирована на будущее, на преодоление границ между традициями и прогрессом, на комплексное решение проблем, с которыми сталкивается современный мир, создание своего собственного королевского наследия: «*As king, Charles... wants to balance tradition and progress... He has deep thought on... "holistic solutions to the challenges facing the world today," as he forges his own legacy as King*» (цит. по: (Democracy in Darkness...)).

Трансформация коснулась и ролевой структуры коронации, строго регламентированной и недоступной простым подданным, которая позволяла только придворным, аристократии и приглашенным гостям увидеть этот пышный перформанс со священными и тайными традициями. Однако роль базовых участников – аристократии как неотъемлемой части церемонии – значительно уменьшилась уже в XIX в. за счет приглашения выдающихся представителей социума – спортсменов, актеров, певцов, художников, представителей правительств стран Содружества и других государств, независимо от религиозной конфессии. Более того, с середины XX в. коронацию стали транслировать для миллионов зрителей по всему миру, и тысячи людей получили возможность наблюдать на улицах Лондона за движением королевской кареты от Букингемского дворца к аббатству для проведения официальной части коронации.

На заключительном, триумфальном этапе коронации со строго фиксированными локативами для всех присутствующих в зависимости от их статуса во властной иерархии² глоттонимы пиршества выступают в качестве

знаков и символов величия монарха (подробно об англосаксонской глоттонии см.: [Захаров, 2008, с. 18]). На пирах подавались такие экстравагантные блюда, как жареные лебеди и кабаньи головы (*roasted swan and boar's heads*), оленина с густой сладкой кашей (*venison with frumenty*), холодная баранина и телятина (*stewed mutton and veal*), разнообразные сорта рыбы: палтус, форель, лосось (*turbot, trout, salmon*). На протяжении многих веков Вестминстер-холл был традиционным местом проведения банкетов по случаю коронации, и только на коронации Георга IV (1821 г.) торжество прошло в палате лордов, где гостей ожидала самая обильная трапеза³, зарегистрированная в истории Великобритании (см. об этом: (George IV...)). В популярной газете *The Beason* было подробно описано роскошное меню коронационного застолья (*Royal Collection...*), но из-за его высокой стоимости организаторам королевского пиршества пришлось настолько серьезно убеждать парламент в правомерности и оправданности расходов, что Вильгельм IV через 10 лет вообще отказался от коронационного банкета.

В последующих посткоронационных застольях изысканные яства грандиозных банкетов заменяются более скромными блюдами праздничных обедов. В частности, на коронации короля Карла III в 2023 г. коронационный киш (пирог с заварным кремом) был выбран в качестве фирменного блюда для национального Большого обеда: «...*the Coronation Quiche was chosen as the signature dish for a national "Big Lunch"*» (цит. по: (King Charles...)).

«Закрытость» королевской семьи сменилась стремлением соответствовать времени и быть ближе к подданным, вследствие чего был создан официальный сайт, где сообщается о знаменательных событиях в жизни британской монаршей семьи. Многие СМИ оценили последнюю коронацию в 2023 г. как типичное театральное «шекспировское» действо, смесь пышного шествия, музыки и тайны, еще раз подтверждая вывод, сделанный британскими журналистами: «*We seem to be incomparably better at making public appearances than at governing the country*» (Churchill, 2008, p. 464) / Мы, кажется, несравненно лучше умеем устраивать публичные представления, чем управлять страной.

Заключение

Несмотря на то что большинство современных монархий отказались от коронации, предпочитая упрощенные церемонии, знаменующие восшествие монарха на престол, Великобритания остается единственной страной в Европе, сохранившей эту традицию на протяжении тысячелетий, трансформируя основные аспекты ритуала в соответствии с вызовами существующего в разные времена миропорядка.

Со времен короля Эдгара ритуал коронации становился все более сложным и влиятельным, претерпевая изменения по религиозным, социально-политическим, экономическим и культурным причинам. Основные этапы и семиолингвистические компоненты ритуала коронации, разработанные королем Эдгаром и представителями духовенства, позволили впервые в Англии появиться высокоорганизованному перформансу, включающему клятву короля, миропомазание, инвеституру, возведение на престол и пр. и в течение многих лет являющемуся прецедентом для королевских коронаций в Англии.

Во времена Средневековья коронация монарха отражала не только личностные качества, но и институциональные особенности его правления в английском обществе, которое опиралось на монарха, духовенство, аристократию и мирян. При Вильгельме Завоевателе в ритуал были внесены изменения как локативного, так и дискурсивного характера, так как ритуал проводился на двух языках и был введен речевой акт аккламации (громкого принятия / одобрения короля); он указывал на более активное участие мирян в коронации и поворот от теократической системы правления к феодальной, более светской.

С воцарением Генриха I коронация достигла пика своего развития, поскольку включала, наряду с традиционными топосами сохранения законов, справедливости и милосердия, новые, имеющие исключительное значение для конституционного развития государства. Топосы расширяли свободы разных слоев населения Англии и ограничивали права монарха. Коронационная хартия была представлена не в устном, а письменном формате и явилась прародительницей Великой хартии вольностей (1215 г.).

Установление абсолютной власти и борьба англиканской церкви с католической повлекли изменения топосов и вариативность перформативных речевых актов клятвы монархов (Генрих VIII, Мария I), трансформацию (визуализацию) клятвы в зрелищный перформанс, актуализирующийся на улицах Лондона (Елизавета I). Топосы клятвы современных монархов (Елизавета II и Карл III) наряду с традиционными темами ориентированы на будущее, преодоление границ между традициями и прогрессом, создание своего собственного королевского наследия; значительно изменен и расширен список участвующих в коронации независимо от их религиозной конфессии. Кроме этого, в публичном цифровом пространстве создан официальный сайт королевской семьи, в котором сообщается о знаменательных событиях в жизни британской монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод с английского наш.

² Хозяин – *the Royal Family*; гость – представители знати (*aristocracy*), послы других государств (*ambassadors*), выдающиеся граждане, приглашенные на ритуальное событие (*burgesses*).

³ **Hot dishes:** 160 tureens of soup (80 of turtle, 40 of rice, 40 of vermicelli). 160 dishes of fish (80 of turbot, 40 of trout, 40 of salmon). 160 hot joints (80 of venison, 40 of roast beef, 40 of mutton and veal). 480 sauce boats (240 of lobster, 120 butter, 120 mint). **Cold dishes:** 160 dishes of cold roast fowls, 80 dishes of cold house-lamb, 80 dishes of braised ham, 80 savory pies, 80 dishes of daubed geese, two in each, 80 dishes of savory cakes, 80 pieces of beef braized, 80 dishes of capons braized, two in each. 1190 side dishes of various sorts (320 dishes of mounted pastry, 320 of small pastry, 400 dishes of jellies and creams).

Горячие блюда: 160 супниц (80 черепашковых, 40 рисовых и 40 вермишелевых). 160 блюд из рыбы (80 из палтуса, 40 из форели и 40 из лосося). 160 горячих блюд (80 из оленины, 40 из ростбифа, 40 из баранины и телятины). 480 соусников (240 из омаров, 120 из сливочного масла, 120 из мяты). **Холодные блюда:** 160 блюд из холодной жареной птицы, 80 блюд из холодной домашней баранины, 80 блюд из тушеной ветчины, 80 пирогов, 80 блюд из гусей, по два в каждом, 80 блюд из пирогов, 80 кусков тушеной говядины, 80 тушеных каплунов, по два в каждом. 1190 гарниров разных сортов, (320 блюд из кондитерских изделий, 320 блюд из мелкого теста, 400 блюд из желе и кремов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафурова Т. Н., Олянич А. В., 2015. Лингвосомиотика властного ритуала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 26, № 2. С. 41–49. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.2.5
- Байбурин А. К., 1988. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Национальные стереотипы поведения. Москва : Наука. С. 7–21.
- Байтин М. И., 1972. Государство и политическая власть. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 239 с.
- Захаров С. В., 2008. Лингвосомиотика англосаксонской институциональной глоттонии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 20 с.
- Карабыков А. В., 2006. Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике : материалы Междунар. науч. конф. (29–30 авг. 2006 г.). Ч. 3. Кемерово : ЮНИТИ. С. 226–231.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Мосс М., 2000. Социальные функции священного. Санкт-Петербург : Евразия. 444 с.
- Почепцов Г. Г., 2001. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук : Ваклер. 651 с.
- Рабенко Т. Г., 2010. Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 43, № 13 (194). С. 122–126.
- Санников С. В., 2017. Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // *Universum: филология и искусствоведение*. № 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171>
- Сиразиева З. Н., 2015. Специфика и средства реализации прагматических функций речевого жанра «клятва» в русско- и англоязычном общении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (28). С. 41–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.5>
- Чертов Л. Ф., 2001. Ритуал как форма семиотизации пространства // Ритуальное пространство культуры : материалы Междунар. форума (26 февр. – 7 марта 2001 г.) / отв. ред.: Е. Э. Сурова. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. филос. о-ва. С. 129–132.
- Чесноков И. И., 2013. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. № 9 (84). С. 4–7.
- Brooke C., 1961. *From Alfred to Henry III: 871–1272*. Edinburgh : Thomas Nelson and Sons. 308 p.
- Carpenter D., 1998. *The Westminster Abbey*. London : Harper. 48 p.
- Cox N., 2025. *The Coronation and the Constitution in the British Tradition*. Cham : Palgrave Macmillan. 361 p.
- Douglas D. C., 1964. *William the Conqueror: The Norman Impact Upon England*. London : Eyre and Spottiswoode. 476 p.
- English History in the Making*. Vol. 1, 1967. New York : John Wiley & Sons. 328 p.
- Gibbs G., 2006. *Marking the Days: Henry Machyn's Manuscript and the Mid-Tudor Era* // *The Church of Mary Tudor*. [S. l.] : Ashgate. P. 1–32.
- Hunt A., 2008. *The Drama of Coronation: Medieval Ceremony in Early Modern England*. Cambridge : Cambridge University Press. 242 p.
- Montrose L., 2006. *Elizabeth Through the Looking Glass* // *The Body of the Queen: Gender and Rule in the Courtly World, 1500–2000*. [S. l.] : Berghahn books. 336 p.
- Schramm P. E., 1937. *The History of the English Coronation*. Oxford : Clarendon Press. 409 p.
- Strong R., 2005. *Coronation: A History of Kingship and the British Monarchy*. London : Harper Collins. 448 p.
- Tanner L. E., 1953. *The History of the Coronation*. London : Pitkin. 96 p.
- Thomson K. B., 1987. *The Development of the Medieval English Coronation: From Edgar to Edward II*. Champaign : University of Illinois Urbana. 80 p.
- Whitelock D., 1961. *The Anglo-Saxon Chronicle*. New Brunswick, New Jersey : Rutgers Univ. Press. 240 p.
- Whitelock A., Hunt A., 2010. *Tudor Queenship. The Reigns of Mary and Elizabeth*. London : Palgrave Macmillan. 282 p.

ИСТОЧНИКИ

- Act of Supremacy. England (1534). URL: <http://www.britannica.com/topic/Act-of-Supremacy-England-1534>
- Churchill W., 2008. Churchill by Himself: The Life, Times and Opinions of Winston Churchill in His Own Words. New York : PublicAffairs. 626 p.
- Coronation of George IV. URL: <https://al-gor3.livejournal.com/1292293.html>
- Democracy in Darkness. What Kind of Monarch will King Charles III be? // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/09/09/how-will-king-charles-rule/>
- George IV King of United Kingdom. URL: <https://www.britannica.com/biography/George-IV>
- King Charles and Camilla Choose Coronation Quiche as Signature Dish. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/apr/17/king-charles-camilla-coronation-quiche-signature-dish>
- Queen Elizabeth II's Accession and Coronation. URL: <https://www.royal.uk/queen-elizabeth-iis-accession-and-coronation>
- Royal Collection Trust. URL: https://ra.rct.uk/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=GEO_MENU%2F8
- The Coronation Oath of King Edgar, 975. URL: <https://thehistoryofengland.co.uk/resource/the-coronation-oath-of-king-edgar-975/>

СЛОВАРИ

- БСИС* – Большой словарь иностранных слов. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words
- COD* – Concise Oxford Dictionary. 10th ed. Oxford : Oxford University Press, 1999. 1666 p.
- CODOEE* – Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford : Oxford University Press, 1996. 552 p.

REFERENCES

- Astafurova T.N., Olyanich A.V., 2015. Lingvosemiotika vlastnogo rituala [Lingua-Semiotics of Power Ritual]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 26, no. 2, pp. 41-49. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.2.5
- Bayburin A.K., 1988. Nekotorye voprosy etnograficheskogo izucheniya povedeniya [Some Issues of Ethnographic Study of Behavior]. *Natsionalnye stereotypy povedeniya* [National Stereotypes of Behavior]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7-21.
- Baitin M.I., 1980. *Gosudarstvo i politicheskaya vlast* [The State and Political Power]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 239 p.
- Zakharov S.V., 2008. *Lingvosemiotika anglosaksonskoy institutsionalnoy glyuttonii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguosemiotics of Anglo-Saxon Institutional Gluttonism. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 20 p.
- Karabykov A.V., 2006. Rechevoy zhanr klyatvy v istorii kultury [The Speech Genre of Swearing in the History of Culture]. *Izmenyayushchayasya Rossiya: novye paradigmy i novye resheniya v lingvistike: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (29–30 avg. 2006 g.). Ch. 3* [Changing Russia: New Paradigms and New Paradigms and Solutions in Linguistics: Proceedings of the International Scientific Conference (Aug. 29–30, 2006). Pt. 3]. Kemerovo, YuNITI, pp. 226-231.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, and Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Moss M., 2000. *Sotsialnye funktsii svyashchennogo* [Social Functions of the Sacred]. Saint Petersburg, Evraziya Publ. 444 p.
- Pocheptsov G.G., 2001. *Teoriya kommunikatsii* [Communication Theory]. Moscow, Refl-buk Publ., Vakler Publ. 651 p.
- Rabenko T.G., 2010. Klyatva kak fideisticheskii rechevoy zhanr [The Oath as a Fideistic Speech Genre]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye* [Bulletin of Chelyabinsk State University], iss. 43, no. 13 (194), pp. 122-126.
- Sannikov S.V., 2017. Klyatva i prisyaga kak performativnye akty «mikrofiziki» vlasti [Private and Public Oaths as Performative Acts of the “Microphysics” of Power]. *Universum: filologiya i iskusstvovedeniye* [Universum: Philology and Art Criticism], no. 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171>

- Sirazieva Z.N., 2015. Spetsifika i sredstva realizatsii pragmaticeskikh funktsiy rechevogo zhanra «klyatva» v russko-angloyazychnom obshchenii [Peculiarities and Means of Pragmatic Functions Realization in Speech Genre “Oath” in Russian and English Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 4 (28), pp. 41-46. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.5>
- Chertov L.F., 2001. Ritual kak forma semiotizatsii prostranstva [Ritual as a Form of Space Semiotization]. Surova Ye.E., ed. *Ritualnoye prostranstvo kultury: materialy Mezhdunar. foruma (26 fevr. – 7 marta 2001 g.)* [Ritual Space of Culture. Proceedings of the International Forum (Febr. 26 – Mar. 7, 2001)]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. filos. o-va, pp. 129-132.
- Chesnokov I.I., 2013. Rechevoy akt «klyatva»: istoki i pervichnye formy obyektivatsii [The Speech Act “Oath”: The Origins and Primary Forms of Objectification]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskkiye nauki* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University: Philological Sciences], no. 9 (84), pp. 4-7.
- Brooke C., 1961. *From Alfred to Henry III: 871–1272*. Edinburgh, Thomas Nelson and Sons. 308 p.
- Carpenter D., 1998. *The Westminster Abbey*. London, Harper. 48 p.
- Cox N., 2025. *The Coronation and the Constitution in the British Tradition*. Cham, Palgrave Macmillan. 361 p.
- Douglas D.C., 1964. *William the Conqueror: The Norman Impact Upon England*. London, Eyre and Spottiswoode. 476 p.
- English History in the Making*, 1967. New York, John Wiley and Sons. Vol. I. 328 p.
- Gibbs G., 2006. Marking the Days: Henry Machyn’s Manuscript and the Mid-Tudor Era. *The Church of Mary Tudor*. S.I., Ashgate, pp. 1-32.
- Hunt A., 2008. *The Drama of Coronation: Medieval Ceremony in Early Modern England*. Cambridge, Cambridge University Press. 242 p.
- Montrose L., 2006. Elizabeth Through the Looking Glass. *The Body of the Queen: Gender and Rule in the Courtly World, 1500–2000*. S.I., Berghahn books. 336 p.
- Schramm P.E., 1937. *The History of the English Coronation*. Oxford, Clarendon Press. 409 p.
- Strong R., 2005. *Coronation: A History of Kingship and the British Monarchy*. London, Harper Collins. 448 p.
- Tanner L.E., 1953. *The History of the Coronation*. London, Pitkin. 96 p.
- Thomson K.B., 1987. *The Development of the Medieval English Coronation: from Edgar to Edward II*. Champaign, University of Illinois Urbana. 80 p.
- Whitelock D., 1961. *The Anglo-Saxon Chronicle. New Brunswick*. New Jersey, Rutgers Univ. Press. 240 p.
- Whitelock A., Hunt A., 2010. *Tudor Queenship. The Reigns of Mary and Elizabeth*. London, Palgrave Macmillan. 282 p.

SOURCES

- Act of Supremacy. England (1534)*. URL: <http://www.britannica.com/topic/Act-of-Supremacy-England-1534>
- Churchill W., 2008. *Churchill by Himself: The Life, Times and Opinions of Winston Churchill in His Own Words*. New York, Public Affairs. 626 p.
- Coronation of George IV*. URL: <https://al-gor3.livejournal.com/1292293.html>
- Democracy in Darkness. What Kind of Monarch Will King Charles III Be? *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/09/09/how-will-king-charles-rule/>
- George IV King of United Kingdom*. URL: <https://www.britannica.com/biography/George-IV>
- King Charles and Camilla Choose Coronation Quiche as Signature Dish*. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/apr/17/king-charles-camilla-coronation-quiche-signature-dish>
- Queen Elizabeth II’s Accession and Coronation*. URL: <https://www.royal.uk/queen-elizabeth-iis-accession-and-coronation>
- Royal Collection Trust*. URL: https://ra.rct.uk/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=GEO_MENU%2F8
- The Coronation Oath of King Edgar, 975*. URL: <https://thehistoryofengland.co.uk/resource/the-coronation-oath-of-king-edgar-975/>

DICTIONARIES

Bolshoj slovar inostrannykh slov [Large Dictionary of Foreign Words]. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words

Concise Oxford Dictionary. Oxford, Oxford University Press, 1999. 1666 p.

Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford, Oxford University Press, 1996. 552 p.

Information About the Authors

Tatiana N. Astafurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Volgograd, Russia; Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, english@volsu.ru, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Irina V. Palashevskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, english@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

Информация об авторах

Татьяна Николаевна Астафурова, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия, english@volsu.ru, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Ирина Владимировна Палашевская, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, english@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>